

Дело взято из архива... Сб. очерков истории органов государственной безопасности на Камчатке. Владивосток : Русский остров, 2008. С. 59–102.

9. КГОМ ККМ ГИ. 23297/11.

10. Женщина на кратере Авачинской сопки // Известия Камчатского Областного Народно-Революционного Комитета. 1921. 14 авг.

11. Хроника // Полярная звезда. 1929. 21 февр.

12. Путешествие к вулкану Анаун в Срединном хребте в 1929 году // Тихоокеанский комитет АН СССР. Труды. Т. 3. 1932.

13. Новограбленов П. Т. Алней (материал для его изучения) // Краеведческие записки. Вып. 10. Петропавловск-Камчатский : ОАО «Камчатский печатный двор», 1997. С. 241–253.

14. Новограбленов П. Т. Школьная летопись. История школы // Камчатский летописец. Вып. 2. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2012. С. 493–562.

15. Новограбленов П. Т. Среди гигантов // Камчатский летописец. Вып. 2. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2012. С. 463–483.

А. А. Бучек ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К ЭТНИЧЕСКОМУ ПРОСТРАНСТВУ

В психологии личности признано, что социально-исторический образ жизни является источником развития личности в системе общественных отношений. Под образом жизни понимают совокупность типичных для данного общества, социальной группы или индивида видов жизнедеятельности, которые берутся в единстве с условиями жизни данной общности или индивида. Считается, что введение категории социально-исторического образа жизни как источника развития личности позволяет исследовать развитие личности на пересечении двух осей в одной системе координат – оси исторического времени жизни личности и оси социального пространства ее жизни (2). Ось исторического времени образа жизни личности в определенном обществе дает возможность выделить тот объективный социальный режим, который задан личности – исторически обусловленную протяженность детства в этой культуре; объективный режим смены игры – учебной, учебы – трудом; распределение временного бюджета на «работу» и на «досуг», характерное для этого типичного образа жизни. Другой осью образа жизни обозначено социальное пространство, предметная действительность, в которой существуют на данном интервале исторического времени различные «институты социализации», большие и малые социальные группы, участвующие в процессе приобщения личности через совместную деятельность общественно-исторического опыта. Это объективно существующее в окружающем человека мире особое социальное измерение, создаваемое совокупной деятельностью человечества, было названо полем значений: «поле значений отдельный индивид находит как вне-его-существующее – им воспринимаемое, усваиваемое, поэтому также, как то, что входит в его образ мира» (12, с. 172). Рассматривая проблему исследования значений в ее этнопсихологическом преломлении, А. А. Леонтьев писал о важности того, «...как предметный мир отражается в сознании... данного конкретного этноса, каковы те элементы общественно-исторического опыта данного народа, которые интернализируются (интериоризируются) каждым отдельным человеком и образуют «картину мира», которая специфична для определенного этапа социально-исторического развития и в то же время для определенного этноса» (11, с. 38). По мнению А. Г. Асмолова, организуя деятельность в соответствии с полем значений, люди тем самым непрерывно подтверждают реальность его существования. Однако «распознать» социальное пространство легче всего в рамках совершенно другой культуры, другого образа жизни, поскольку оно кажется столь естественным, изначально приросшим к натуральным свойствам объектов природы и культуры, что становится незаметным для ее носителей (2).

В исследованиях социально-психологического пространства личности последних лет выявлены особые типы взаимодействия личности и группы с интенсивно изменяющейся социальной средой (8). Было доказано, что характер взаимодействия с окружающим миром в высокой степени определяется тем, как личность воспринимает и оценивает окружающую среду, какие объекты для нее значимы, к каким нейтральное отношение, а какие отвергаются ею, игнорируются или вовсе не замечаются. В результате ряд объектов окружающего мира может преобразовываться или создаваться в соответствии с замыслом и представлениями личности.

Целью нашего исследования явилось изучение отношения личности к этническому пространству. Этническое пространство определяется как «порядок существования (жизни, проживания) и осуществления (самовыражения) через социальные формы генетически тождественного сообщества» (10, с. 36). По мнению исследователей, именно понятие «этническое пространство» позволяет комплексно охватить весь круг «обстоятельств» этнической жизни: и процесс освоения этносом конкретной экологической ниши, и его становление как генетического тождества, и субъективный процесс осознания этносом себя как самостоятельного субъекта истории. Этнос как социальное сообщество обладает сложным внутренним миром, миром именно человеческих взаимодействий. Речь идет о самобытной этнокультурной самореализации этноса в процессе исторического развития. Вместе с тем, признается, что этническое пространство – это не совокупность этнических элементов в рамках его исторического пространства, а скорее духовный компонент окружающего мира.

В ходе работы осуществлялся анализ ответов респондентов разной этнической принадлежности – представителей коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС) и русских. Общее количество респондентов – 107 человек.

Система представлений и оценок об этнокультурных и этнопсихологических особенностях своей этнической общности в сравнении с иноэтническим окружением определялась нами с помощью специально разработанной анкеты (этнопсихологического опроса). С помощью анкетирования нами исследовался аффективный компонент этнической самоидентификации – чувство принадлежности к своей этнической общности и связанные с этим переживания.

При описании результатов мы остановимся на тех вопросах, которые позволили выделить специфику отношений к этническому пространству у представителей разной этнической принадлежности. Контент-анализ результатов анкетирования, содержащего незаконченные предложения, выявил различия в ответах респондентов по ряду вопросов. Средние показатели, полученные по отдельным вопросам анкеты, приведены в табл. 1.

Таблица 1

Средние показатели по суждениям этнопсихологического опроса

Суждения	Русские	КМНС
1. Мой родной язык:		
а. русский	3,92**	1,44**
б. национальный язык моего народа	2,92**	3,96**
2. Я разговариваю на:		
а. русском	3,98	3,96
б. национальном языке моего народа	2,92**	1,67**
3. Я знаю национальные песни, танцы.	3,75	3,92
4. Я знаю национальные игры	3,40	3,54
5. Я знаком со сказками своего народа	3,77	3,94
6. Я знаю национальные праздники	3,73	3,87
7. Дома соблюдаются национальные обычаи	2,48	2,27
8. Я читаю литературу по истории и культуре моего народа	2,99	3,10
9. Я предпочитаю слушать музыку:		
а. русскую народную	2,77**	1,90**
б. своего народа	2,53**	1,31**
в. классическую	1,63	1,42
г. современную	2,25	2,50
10. Я преимущественно читаю литературу:		
а. русских писателей и поэтов	2,92	2,78
б. национальных писателей и поэтов	2,32**	1,48**
в. классику	1,94*	1,21*
г. современную	3,23	2,98

Суждения	Русские	КМНС
11. Дома есть предметы материальной этнической культуры моего народа	1,98*	2,58*
12. Дома есть национальная одежда	2,00	2,31
13. Дома готовятся национальные блюда	2,88	2,81
14. Я предпочитаю работать с людьми:		
а. своей этнической принадлежности	2,93	3,08
б. любой этнической принадлежности	3,21	3,42
15. Предпочитаю, чтобы моим руководителем был человек:		
а. моей этнической принадлежности	3,56	3,54
б. любой этнической принадлежности	3,10	3,21
16. Я предпочитаю дружить с людьми:		
а. моей этнической принадлежности	3,96	3,98
б. любой этнической принадлежности	3,19**	1,42**
17. К межэтническим бракам отношусь:		
а. положительно	3,46	3,56
б. отрицательно	3,08	3,06
в. безразлично	3,19	3,04

Примечание: Значимые этнические различия по критерию t-Стьюдента отмечены звездочками: * $p < 0,01$, ** $p < 0,001$.

Результаты показали, что наибольший вес в обеих группах имеют суждения: «я знаю национальные песни, танцы»; «я разговариваю на национальном языке моего народа»; «я предпочитаю дружить с людьми любой этнической принадлежности»; «мой родной язык – национальный язык моего народа»; «я знаком со сказками моего народа»; «я знаю национальные праздники».

Владение родным языком, как показано в ряде исследований, не является определяющим обстоятельством в идентификации этнической принадлежности (1, 9, 15). Средний показатель владения родным языком у русских респондентов – 2,92, что значительно выше, чем у респондентов сравняемой группы – 1,67 у респондентов группы коренных малочисленных народов Севера ($p < 0,001$). Вместе с тем, в ходе дальнейшего анализа ответов на вопросы анкеты было установлено, что представители коренных этнических общностей значительно чаще отмечают родной язык в качестве фактора, который сближает их со своим народом, чем русские респонденты. Это справедливо и для других параметров осознания этнической принадлежности, где показатели в выборках респондентов разной этнической принадлежности несколько отличаются в сторону повышения у респондентов КМНС. Сравнение результатов опроса по суждениям «мой родной язык», «я разговариваю на национальном языке моего народа» показало, что среди респондентов этой группы национальными языками своего народа владеют единицы (в основном те респонденты из числа представителей коренных народов Севера, кто постоянно проживает в национальных поселках), при этом все респонденты хорошо владеют русским языком. Представители коренных народов Севера или совсем не владеют родным языком, или владеют им хуже, чем русским (различия достоверны на уровне $p < 0,001$). Однако при этом родным языком национальные языки (эвенский, корякский (седанкинский и чавчувенский диалекты), ительменский, алеутский, камчадальский) считают 84,9 % респондентов данной группы. Причем, довольно часто родным языком называлось смешение национальных языков: «русско-корякский», «ительмено-корякский», «эвенско-корякский», «камчадальский-русский-ительменский». Можно предположить, что такое смешение языков наблюдается вследствие преобладания межэтнических браков (68,3 % респондентов указывали разную этническую принадлежность родителей). Однако представляется, что для объяснения признания своим родным языком языка своего народа даже без его знания, может быть найдено еще одно доказательство. На наш взгляд, это связано со стремлением поддержать внутреннее ощущение своей этнической идентификации, найти внешний, хотя бы искусственно подкрепляемый, элемент этнической отнесенности к своему народу, который бы указывал на этническую принадлежность коренных народов Севера. Таким образом, большинство респондентов обеих групп разговаривают

на русском языке, при этом респонденты КМНС родным признают свой национальный язык, часто не говоря и не понимая его.

Частью этнического пространства являются этнические эталоны нормативного поведения, которые несут в себе предания, сказки, обряды, традиции, игры, национальные праздники, песенную и танцевальную культуру (13). Обнаружены достоверные этнические различия у респондентов двух групп в музыкальных ($p < 0,001$) и литературных ($p < 0,001$) предпочтениях. Исследование показало, что средние оценки по суждениям респондентов КМНС хотя и свидетельствуют о меньшем предпочтении музыки чужого для них народа (русского), но одновременно с этим обнаруживают, что средние показатели предпочтений музыки своего народа (для респондентов коренных малочисленных народов Севера) также значительно ниже ($p < 0,001$). Такая непоследовательность, противоречивость в суждениях может объясняться некоторой искусственностью представлений, рассогласованием этнических знаний с реальным поведением личности в условиях этнического пространства. Интересные результаты получены нами по суждениям, характеризующим представления респондентов об их связи со своей этнической культурой. Об этом может свидетельствовать упоминание этнических маркеров, по которым традиционно описывают осознание этнической принадлежности (3, 7). Одним из таких маркеров может служить наличие дома предметов материальной этнической культуры. В большей степени это свойственно респондентам КМНС ($p < 0,01$). Однако дальнейший анализ показал, что это никак не подкреплено другими важными компонентами осознания этнической принадлежности – ни наличием национальной одежды, ни приготовлением национальных блюд, не выражается это и в соблюдении обычаев и знании праздников своей этнической культуры. Создается впечатление, что для респондентов данной группы осознаваемая этническая идентичность со своим этносом и декларируемая значимость этнической принадлежности к своему народу не подкрепляется в реальности никакими маркерами этничности. Последнее место по количеству положительных ответов в обеих выборках занимают суждения: «Я знаю национальные игры», «Я знаю национальные праздники», «Дома соблюдаются национальные обычаи», «Дома есть национальная одежда», «Дома готовятся национальные блюда». В группах не было обнаружено статистически значимых отличий по суждениям «Я знаю национальные песни, танцы», «Я знаю национальные праздники», «Я знаю национальные игры», «Дома есть национальная одежда», «Я читаю литературу по истории и культуре моего народа», «Дома соблюдаются национальные обычаи», «Дома готовятся национальные блюда». Различия в количестве утвердительных ответов по этим суждениям в сравниваемых группах минимальны. Необходимо отметить различия, обнаруженные нами при анализе суждений, описывающих характер восприятия межэтнических отношений респондентами двух групп. В суждении «Я предпочитаю работать с людьми любой этнической принадлежности» достоверных различий не обнаружено. А для суждения «Я предпочитаю дружить с людьми любой этнической принадлежности» достоверные различия обнаружены на уровне значимости ($p < 0,001$) в обеих выборках. Большее значение этнической принадлежности человека для «работы» и «дружбы» придают респонденты КМНС. Русские респонденты продемонстрировали готовность дружить и работать с людьми любой этнической принадлежности, что может выражать как толерантность по отношению к членам других этнических групп и межэтническому взаимодействию в целом, так и индифферентное отношение к этнической принадлежности человека. Различия в количестве утвердительных ответов по суждениям «Предпочитаю, чтобы моим руководителем был человек моей/любой этнической принадлежности», «Отношение к межэтническим бракам» минимальны в обеих выборках.

Представление о значимости для респондентов тех или иных элементов идентификации выявлялось с помощью ответа на вопрос: «Что, по вашему мнению, сближает вас с другими людьми вашей этнической группы?». Результаты приведены в табл. 2.

Таблица 2

Средние показатели близости к этносу

Показатели близости к своему этносу	Русские	КМНС
Язык	3,70**	2,29**
Традиции	1,77*	2,97*
Общее историческое прошлое	3,07	3,30
Общее будущее	2,04	2,28
Религия	2,45	2,16
Черты внешнего облика	1,87**	2,76**
Черты характера	3,13*	2,45*
Ничто не сближает	2,98**	1,65**
Трудно сказать	2,31	2,45
Интегральный показатель	2,63	2,47

Примечание: Значимые различия по t-критерию Стьюдента отмечены звездочками: *p < 0,01, ** p < 0,001.

Анализ результатов свидетельствует о том, что значимые отличия в двух группах респондентов по близости к своему этносу наблюдаются по следующим показателям: «Язык» (p < 0,001), «Черты внешнего облика» (p < 0,001), «Традиции» (p < 0,01), «Черты характера» (p < 0,01), а также по показателю «Ничто не сближает» (p < 0,001), которому русские респонденты приписывают большее значение, чем респонденты КМНС. Таким образом, представления о наиболее важных сближающих факторах со своим этносом неодинаковы для респондентов двух групп. Так, для русских респондентов наиболее значимым оказался национальный язык. Как уже отмечалось, роль национального языка как неперемного атрибута этнической самоидентификации подвергалась сомнению в целом ряде исследований (14). Второе место по значимости занимает фактор «Общее историческое прошлое». Этот показатель близости оказался значимым и для респондентов КМНС, которые приписали ему самый высший балл. Причем в данной группе его значение превышает значение по данному показателю в сравниваемой группе, хотя различия в группах и не достигают порога достоверности. Была обнаружена неоднозначная оценка показателя «Традиции» респондентами двух групп (p < 0,01). В группе респондентов КМНС ему отдано второе ранговое место, тогда как в группе русских респондентов этот показатель имеет самый последний, девятый, ранг. Очевидно, что в данной группе респонденты ощущают реальную утрату традиционных форм жизни, присущих родной культуре и, соответственно, не признают традиции и обычаи этнодифференцирующими факторами. Отличительной чертой современного образа жизни является широкий спектр возможных взглядов на жизнь и разнообразие допустимых образов жизни, в отличие от традиционных обществ, в которых культура «достаточно строго диктовала человеку, что ему надо знать и во что верить, что любить и что ненавидеть и, наконец, как следует себя вести, воплощая требования, предъявляемые к нему жизнью в данном обществе» (6, с. 123). Важным показателем близости со своим этносом для всех респондентов является показатель «Черты характера» (в группах этот показатель занимает третье и четвертое по значимости место). Очевидно, что причастность к этнической группе связывается всеми респондентами с набором определенных личностных черт, стереотипно приписываемых членам данной группы. Вместе с тем, необходимо отметить, что численное выражение данного показателя близости со своим этносом значимо выше в группе русских респондентов (p < 0,01). Большинство респондентов этой группы считает показатель «Религия» важным фактором близости к своему этносу, тогда как в группе респондентов КМНС данный показатель занимает предпоследнее место среди всех показателей. Такой показатель близости к своему этносу, как «Черты внешнего облика», также по-разному оценивается респондентами двух групп (p < 0,01). Так, русские респонденты не считают его важным фактором (при ранжировании было обнаружено, что этот показатель занимает восьмой ранг из девяти), тогда как, по мнению респондентов КМНС, этот фактор является одним из объединяющих их со своим этносом, респондентами данной группы ему отдано третье ранговое место. Показатель «Общее будущее» служит весьма слабым маркером близости со своим этносом у всех респондентов независимо от национального происхождения. Интересные результаты

получены нами в двух группах при анализе показателя «Ничто не сближает». Различия по данному показателю на высоком уровне достоверности (p < 0,001) говорят о том, что склонность приписывать данную характеристику своим ощущениям относительно близости со своим этносом в большей степени свойственна русским респондентам. Респонденты КМНС ответ, связанный с отсутствием факторов близости со своим этносом, ставят на последнее ранговое место, что свидетельствует о наличии у респондентов этой группы осознания своей этнической принадлежности и ее значимости, четкого представления о том, какие факторы служат маркерами сходства с членами своей этнической группы. Таким образом, в целом, показатели близости к своему этносу для двух групп респондентов можно охарактеризовать как схожие при подчеркивании значимости традиций и черт внешнего облика в группе КМНС, а также языка и черт характера в группе русских респондентов.

Анализ результатов анкетирования позволил выявить различия в характере отношения к своему народу в группах респондентов (табл. 3).

Таблица 3

Характер отношения к своему народу (%)

Характер отношения	Русские	КМНС	Уровень значимости различий (критерий ф*Фишера)
Горжусь своим народом	23,6	30,9	p < 0,05
Сопереживаю своему народу	45,4	32,1	p < 0,01
Испытываю обиду за свой народ	56,3	21,4	p < 0,001
Испытываю стыд за свой народ	41,8	8,3	p < 0,001
Больше думаю о себе, чем о своем народе	16,3	7,1	p < 0,01

Сравнительный анализ данных показал, что для респондентов КМНС в большей степени свойственны чувства гордости за свой народ, чем для русских респондентов (p < 0,05). Вместе с тем, респонденты КМНС меньше испытывают чувство стыда за свой народ (p < 0,001), меньше сопереживают ему (p < 0,01) и меньше испытывают чувство обиды за свой народ (p < 0,001), а также больше думают о своем народе (p < 0,01).

При ответе на вопрос о соблюдении традиций респондентам обеих групп было предложено перечислить те основные традиции, которые они соблюдают. Необходимо отметить, что русскими респондентами в основном назывались православные праздники, отдельные языческие обряды. В группе респондентов КМНС набор соблюдаемых традиций также был достаточно ограниченным, в основном упоминались обряды (кормление духов, жертвенное угощение из оленьего жира с заячьим пухом – инэлвэт, улечич, нимыт и др.), а также традиции (почитание старших, одушевление природы) и традиционные запреты, связанные с отношением к огню, поведением в лесу, охотой и рыболовством. Интересно, что такие ответы, как «традиционная еда», «преемственность поколений, дружба в клане», «бережное отношение к людям», также были названы в качестве соблюдаемых традиций. Можно предположить, что для респондентов данной группы традиции являются некой философией жизни, стремление соблюдать их диктуется некогда усвоенной моделью взаимоотношений с миром и окружающими людьми и определяет всю картину мира человека и его образ жизни. Принято считать, что образ жизни начинает осознаваться как значимый показатель этнической определенности только в ситуации постоянного межэтнического взаимодействия, когда носители определенной культуры, стремясь подчеркнуть свою этническую принадлежность, используют исключительно образцы поведения, закрепленные в традициях, обычаях, ритуалах, обрядах, которые приняты в их культуре.

Следующим этапом рассмотрения отношения к этническому пространству явилось изучение отношения к собственному этническому «Я» личности. С этой целью респондентам был задан вопрос: «К какой группе Вы себя прежде всего причисляете?». Результаты сравнения показателей в двух группах представлены в табл. 4.

Таблица 4

Средние показатели степени выраженности этнического «Я»

К какой группе Вы себя прежде всего причисляете?	Русские	КМНС	Уровень значимости различий
Россиян	35,4	2,0	3,1***
Коренных народов Севера	6,3	66,1	5,8***
Русских	18,3	14,8	не значимы
Жителей Камчатского края	10,0	27,1	4,7**
Христиан	4,7	5,2	не значимы
Другой	5,9	–	1,7*

Примечание: Значимые различия по t-критерию Стьюдента: * при $p < 0,05$; ** при $p < 0,01$; *** при $p < 0,001$; н/з не значимы.

Анализ таблицы позволил сделать заключение о различиях в показателях этнической самоидентификации в двух анализируемых группах. Значимые отличия обнаружены по показателям гражданской, этнической и территориальной самоидентификации. Исключение составляет идентификация с группой «русские»: статистической разницы по данному показателю в группах не выявлено. Значимых различий также не было выявлено после сравнения ответов по характеристике «христиане». Вместе с тем, отличия были обнаружены по ряду других характеристик. В группе русских респондентов в качестве «других» чаще всего называлась характеристика «Человек мира» (так называемая космополитическая идентичность). Возможно, данный тип идентичности сложился во многом «благодаря» историческим особенностям формирования самосознания русских, т. к. у нескольких поколений русских национальное самосознание в большей мере, чем у других национальностей, было «стерто» советским «наднациональным» строительством, которое продолжается и сегодня в виде строительства «наднационального» российского гражданского общества, порождая так называемую интернациональную, «этнически безымянную» (Иордан М. В.) идентичность.

Полученные результаты мы соотнесли с данными, полученными украинскими исследователями в результате измерения системы социальных идентификаций, по которым респонденты оценивали сами себя, отвечая на вопрос о том, кем она себя ощущают прежде всего. Категории распределились следующим образом (в порядке уменьшения): гражданин Украины (39,9 %), русскоязычный житель Украины (37,6 %), обычный человек (20,8 %), житель своего региона (18,7 %), член своей семьи (18,3 %), русский (9,5 %), человек своего возраста (8,8 %), украинец (8,2 %), украинец и русский (7,8 %), славянин (7,6 %), представитель современного поколения (6,7 %) (5). Как видим, тенденция, обнаруженная в нашей работе, в целом согласуется с результатами данного исследования. Русские респонденты склонны скорее идентифицировать себя с гражданином страны, нежели с членом определенной этнической группы.

Таким образом, отношение личности к этническому пространству может быть признано важнейшим индикатором целостности и устойчивости этнического самосознания личности в его идентификационных характеристиках. Оно обусловлено целостностью, органичностью процесса этнической социализации личности в определенной культуре и не проявляется как некая вещественная данность, как физическое поле. Оно является мыслительной конструкцией, логической абстракцией, позволяющей создавать, конструировать не только этническую историю группы, но и своеобразный ресурс личности и способ ее самоосуществления в этническом пространстве.

1. Аклаев А. Р. Язык в системе национальных ценностей и интересов // Духовная культура и этническое самосознание наций / под ред. Л. М. Дробижевой. М., 1990. Вып. 1. С. 12–38.
2. Асмолов А. Г. Психология личности. М.: Смысл, 2001. 367 с.
3. Бромлей Ю. В. Этнографические аспекты изучения человека // Человек в системе наук / сост. Е. В. Филиппова. М., 1989. С. 190–202.
4. Бучек А. А. Этническое самосознание личности в пространстве полиэтничного мира: монография. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. 386 с.
5. Васютинский В. А. О социально-перцептивной «нерусскости» русскоязычных жителей Украины // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: матер. Второй Междунар. научн. конф. 26–27 мая 2010 г. В 2 т. / отв. ред. В. В. Гриценко. Смоленск: Универсум, 2010. Т. 1. С. 49–53.
6. Даниленко О. И. Индивидуальность в контексте культуры: психология душевного здоровья. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. 193 с.
7. Дробижева Л. М. Влияние этноконтактной среды на межнациональные отношения // Социальная психология и общественная практика. М., 1985. С. 153–162.
8. Журавлев А. Л., Курейченко А. Б. Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 496 с.
9. Иванова А. А. Особенности этнического самосознания подростков-казаков в контексте межнационального общения. Автореф. дисс. ... канд. психолог. наук. М., 1995. 20 с.
10. Кибасова Г. П. Этническое пространство России: социально-философский анализ... Автореф. дисс... докт. философ. наук. Волгоград, 2004. 53 с.
11. Леонтьев А. А. Личность как историко-этническая категория // Советская этнография. 1981. № 3. С. 35–44.
12. Леонтьев А. Н. Формирование личности // Психология личности в трудах отечественных психологов / сост. Л. В. Куликов. СПб., 2000. С. 166–178.
13. Мухина В. С. Современное самосознание народностей Севера // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 4. С. 44–53.
14. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений: учеб. пособ. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. 203 с.
15. Хотинцев В. Ю. Формирование этнического самосознания студентов в процессе обучения в вузе // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 31–43.

В. Е. Быкасов ОТ БОЛЬШЕРЕЦКА ДО ПАУЖЕТКИ

Целью настоящего исследования является восстановление основных деталей маршрута С. П. Крашенинникова от Большерецка к горячим ключам, расположенным в долине реки Озерной, о которых сам автор «Описания земли Камчатки» говорил так: «...*Помянутые горячие ключи текут верстах в 20 от ее устья, одни в реку Паужжу, а другие в саму Озерную реку, обои с южную ее сторону*» (1, с. 142).

Необходимость реконструкции этого маршрута С. П. Крашенинникова вызывается тем, что и до сих пор, спустя четверть тысячелетия после его пребывания на полуострове, эта поездка так и не была описана с должной достоверностью. О чем позволяет судить то, что все, без исключения, исследователи и интерпретаторы научного наследия великого натуралиста обратный его путь от реки Озерной к Большерецку прорисовывают точно по первоначальному следу. Хотя на самом деле студент Императорской Академии наук в районе предутьевой части р. Гольгиной отклонился в сторону от морского берега и далее к Большерецку проследовал вдоль горных склонов. Или, как он сам выразился: «...*оттуда возвратно, где не тою дорогою, которою вперед ехали* (выделено мною. – В. Б.), *сочинил описание пути, которое при сем рапорте прилагается*» (3, с. 567).

Впрочем, прежде чем приступить к характеристике самого маршрута, стоит привести описание общепринятой в те времена нартовой дороги от Большерецка до мыса Лопатка и обратно. С тем, чтобы можно было более уверенно привязать путь С. П. Крашенинникова к реальной обстановке.

«От Большерецкого острога на юг до Курильской лопатки обыкновенной езды 9 дней. Первую ночь ночуют у моря на устье Большой реки, другую на пустом месте, третью на реке Опале, четвертую на Кошегочике в юрте, пятую на Явиной, шестую у Кожокчи, не доевжая до озерной